

Взяв за основу предсмертное прошение Вэньжэнь Юэ, Лэ Уя всю ночь напролет изучал материалы уголовных дел и записи уездных хроник, так и не сомкнув глаз до самого утра.

После этой изнурительной работы он наконец отчетливо понял, почему Вэньжэнь Юэ так свято верил в невиновность ученого Мина.

Ученый Мин, по паспорту Мин Сянчжао, второе имя Шоуюэ. Ему исполнилось двадцать пять лет. Происходил он из самой обычной семьи: его отец всю жизнь занимался починкой и реставрацией мебели, из-за чего весь их род числился в реестре ремесленников.

На окружных экзаменах двадцатого года правления Тяньдин Мин Сянчжао сдал экзамен на степень сиуця*, заняв первое место среди всех местных соискателей.

ПП: обладатель первой (низшей) ученой степени.

Казалось, провинциальные экзамены уже не за горами и перед парнем открывается законный шанс выбиться в люди, однако в это самое время его отца призвали на обязательные работы в столицу. На обратном пути старик подхватил суровую простуду и скоропостижно скончался всего в пятнадцати ли от родного дома. Односельчане привезли его безжизненное тело обратно семье.

Оплакав отца, Мин Сянчжао заперся дома, дабы держать положенный траур и усердно учиться, рассчитывая попытать удачу на экзаменах через три года.

В этом плане их судьбы с Вэньжэнь Юэ были во многом схожи.

Вот только характеры у этих двоих оказались абсолютно противоположными.

В отличие от мягкого и уступчивого Вэньжэнь Юэ, ученый Мин от природы обладал на редкость скверным и неуступчивым нравом. Он был вспыльчив, остер на язык и не стеснялся в выражениях, из-за чего еще во время учебы в академии постоянно ввязывался в драки и споры, так что среди ровесников его мало кто долюбивал.

В официальных бумагах дела об этом было прописано прямо и без прикрас: «Высокомерен, заносчив, в речах неизменно дерзок и агрессивен».

Но за его так называемым «великим преступлением против престола» крылась вполне определенная предыстория.

Законы нынешней династии строго запрещали женщинам самостоятельно подавать иски и выступать в суде. Если они терпели несправедливость, им оставалось лишь просить о помощи мужчин из своего клана либо нанимать профессиональных чжуанши*.

ПП: Если упрощенно, это адвокаты в Древнем Китае.

После кончины мужа мать Мина, женщина из рода Кань, перехватила ремесло супруга, однако в силу преклонного возраста могла выполнять лишь самую легкую и простую работу.

И вот, когда здешние одинокие вдовы или сироты сталкивались с притеснениями соседей или увязали в земельных спорах с собственным кланом, не имея близких родственников-мужчин для защиты, а нанять чжуанши им было попросту не по карману, они шли к матери Мина. Женщины несли в дом немного муки, риса или мелких монет, умоляя ученого Мина составить для них судебное прошение и защитить их интересы на суде.

В материалах дела о мятеже главный писарь управы совершенно очевидно применил хитрые приемы канона «Чуньцю», умышленно очернив имя парня. Суть сводилась к тому, что Мин Сянчжао, кичась своим статусом сиуцая, брезговал честным трудом, но при этом стыдился сидеть на шее у матери. Желая подзаработать на карманные расходы, он с радостью ухватился за подвернувшуюся возможность, когда мать стала приводить к нему просительниц. Стало быть, перед судом предстал ленивый, хитрый и алчный делец, промышляющий сомнительными махинациями.

Лэ Уя видел Мин Сянчжао в тюремной камере своими глазами.

Этот юноша действительно обладал весьма статной и благородной внешностью. Стоило отмыть его от тюремной грязи, и на улице он выглядел бы статным, красивым книжником, в чьем облике отчетливо читался врожденный героический дух.

Возможно, в действиях этого парня и присутствовала доля личной выгоды, но стремление заработать на кусок хлеба в условиях крайней нужды никак нельзя было назвать преступлением. Да и за правое дело он вступался явно не только ради медных монет.

Потому что, судя по доброй дюжине судебных исков, которые Лэ Уя лично вытащил из архива за эту ночь, ученый Мин всегда честно и без обмана защищал интересы исключительно самых слабых и обездоленных.

Впрочем, судя по формулировкам в самих прошениях, парень действительно совершенно не следил за языком. Он писал дерзко, размашисто и без лишних церемоний, то и дело открыто порицая несправедливость местных властей.

Для управы он сделался тем самым невыносимым «паршивым книжником», которого и побить нельзя, и обругать толком не получается.

В конце концов, он больше не был простым простолюдином, обладал недюжинным талантом и в будущем имел все шансы взлететь высоко по служебной лестнице. С таким связываться — себе дороже.

Потому чиновникам оставалось лишь закрыть рты и терпеть его выходки.

Само собой, в официальных бумагах дела обо всем этом не упоминалось ни единым словом.

Там значилось лишь то, что этот ученый, кичась своими познаниями, привык вести себя нагло и вызывающе, то и дело смущая умы окружающих своими крамольными речами. Управа, принимая во внимание его ученый статус, до последнего обходилась с ним по всем правилам вежливости. Однако смутьян не пожелал оценить великую монаршую милость и умышленно прятал у себя дома запрещенную к чтению литературу.

Зато в «предсмертном письме» Вэньжэнь Юэ подробно описывалось событие, о котором в официальных материалах дела не было сказано ни полслова.

Полгода назад, когда Вэньжэнь Юэ только-только вступил в должность уездного судьи, Мин Сянчжао подал иск от имени тетушки Су, близкой подруги своей матери. И дело тогда разгорелось нешуточное.

Тетушка Су рано лишилась мужа и в одиночку, из последних сил, тащила на себе единственного сына по имени Чан Сяоху.

Мальчик от рождения рос слабым и болезненным, однако бог не обделил его разумом: он самостоятельно и весьма искусно освоил счета.

Желая хоть как-то помочь матери и заработать копейку на пропитание, парень через Гэ Эрцзы, двоюродного брата своего покойного отца, решил устроиться учеником счетовода на угольную шахту Сяофу, что находилась на западной окраине уезда Наньтин. Предполагалось, что спустя три месяца обучения он сможет полноценно работать в тамошней счетной палате.

Ради этого тетушка Су отрывала от себя последнее, скопила нужную сумму на оплату обучения и со слезами на глазах проводила сына.

Вот только Чан Сяоху ушел и больше не вернулся.

Мать, непрестанно тревожась о слабом здоровье сына, как-то раз собрала узелок с его привычными лекарствами и на своих израненных, крошечных ножках потащилась к шахте, дабы навестить его.

Однако территория рудника была строго закрыта для посторонних, и разузнать хоть какие-то вести ей не удалось. Тетушке Су оставалось лишь передать узелок с лекарствами и нехитрой снедью в руки дежурившего у ворот здоровилы, сотню раз умоляя отдать все это Сяоху, после чего она робко побрела обратно.

В следующий раз она увидела своего сына лишь после затяжного проливного ливня.

Его безжизненное тело принесло бурным течением с верховьев реки. Труп застрял между прибрежных камней, где его рано утром и обнаружили отправившиеся на рыбалку деревенские мужики.

Получив страшную весть, тетушка Су, спотыкаясь, примчалась к реке. Едва завидев издали распухшее от воды лицо своего мальчика, она истошно вскрикнула и замертво рухнула без чувств.

Когда же женщина пришла в себя, в ее голове зародились вполне обоснованные подозрения: ее сын шел на шахту учиться счетному делу, с какой стати все его тело оказалось покрыто страшными увечьями?

Он был буквально испещрен синяками и глубокими ранами, а с пробитой головы непрерывным потоком хлестала кровь. Зрелище было ужасающим.

Она намертво вцепилась в того самого двоюродного брата, который отправил ее сына на рудник, требуя немедленно пойти к судье. Однако, будучи одинокой и слабой женщиной, она не имела права самостоятельно выступать на суде, отчего и бросилась за помощью к матери Мин Сянчжао.

Тетушка Су посреди ночи со слезами на глазах постучалась в их дом. Выслушав всю историю от начала и до конца, ученый Мин пришел в неописуемую ярость. Он за одну ночь составил хлесткое судебное прошение и уже на следующий день лично передал его в управу.

Для Вэньжэнь Юэ это было далеко не первое дело об убийстве за время его недолгой службы, однако он всегда подходил к расследованиям с крайней осторожностью, не осмеливаясь допускать халатности.

Тот самый родственник, Гэ Эрцзы, оказался обычным местным оборванцем и бездельником, успевшим насквозь пропитаться повадками прожженного лакея. Стоило ему переступить порог судебного зала, как он принялся истошно вопить о своей невинности, рыдая так громко, что выглядел куда более несчастным, чем сама убитая горем тетушка Су.

По его клятвенным заверениям, он выступил лишь обычным посредником и понятия не имел, что стряслось с Чан Сяоху на руднике. Чист и невинен, словно белоснежный лотос с тьяншаньских гор.

Тогда Вэньжэнь Юэ вызвал в суд управляющего шахты Сяофу.

Этот человек, напротив, держался на удивление учтиво и благородно. Он твердо и уверенно заявил, что в канун трагедии шел проливной дождь. Чан Сяоху, по-видимому, из-за темени просто не разглядел дорогу, оступился и упал в бурлящую реку. Что же касается пробитой головы, то парень, скорее всего, сильно ударился о прибрежные валуны, а многочисленные увечья на теле не более чем следы от острых речных коряг и веток.

Результаты вскрытия, предоставленные местным коронером, также сводились к однозначному выводу: «Повреждения на теле нанесены ветками и камнями, смерть наступила в результате случайного падения в воду и утопления».

Когда следствие зашло в тупик, тетушка Су окончательно пала духом, однако Мин Сянчжао не отступил ни на шаг.

Он заявил, что слышал разговоры людей, осматривавших тело Чан Сяоху: раны на нем были слишком глубокими и подозрительно походили на следы от ударов плетью.

С каких это пор обычные речные ветки оставляют полосы как от кнута?

Коронер за словом в карман не полез и уверенно парировал: труп Чан Сяоху пролежал в грязной воде всю ночь, к тому же летом на дворе стояла жара, отчего раны раздулись и начали гнить. Деревенские жители ничего в этом не смыслят и просто строят глупые догадки. Сам Мин Сянчжао тела в глаза не видел, но готов верить любым слухам, разве можно принимать такие доводы всерьез?

Вэньжэнь Юэ лично отправился осмотреть покойника. К сожалению, он совершенно не разбирался в тонкостях судебной медицины. Он долго вглядывался в повреждения, но они с одинаковым успехом казались ему как следами от плети, так и результатом обычного гниения.

Однако на тех немногих участках кожи Чан Сяоху, что остались целы, он неожиданно обнаружил застарелые синяки от ударов палкой.

Более того, кожа парня оказалась грубой, ладони были сплошь покрыты мозолями, а под ногтевыми пластинами, хоть они и были залиты кровью, отчетливо проступала въевшаяся угольная пыль. Все это никак не вязалось с деликатным трудом счетовода.

Вэньжэнь Юэ мысленно зафиксировал эти нестыковки, но вслух ничего говорить не стал, а лишь прямо спросил коронера о застарелых побоях.

Тот отнесся к вопросу с полным безразличием, бросив, что мать, должно быть, просто воспитывала сына в строгости и когда-то побила его в воспитательных целях.

Услышав это, тетушка Су разрыдалась в голос. Она кричала, что ее сын с самого детства рос болезненным, она до смерти боялась потерять его, а потому всегда берегла пуще зеницы ока. Мальчик рос послушным и покладистым, и с тех самых пор, как он появился на свет, она и пальцем его не тронула!

Мин Сянчжао пришел в неопишемую ярость и увяз в бурной перепалке с коронером прямо в зале суда.

У обеих сторон нашлись свои доводы, и никто не желал уступать.

Вэньжэнь Юэ объявил перерыв в заседании.

Пускай он и был прямолинейным чудаком, но уж точно не был дураком.

Его отец занимался торговлей, и Вэньжэнь Юэ не раз пересекался с дельцами. Он прекрасно знал, что сердца многих владельцев рудников черны как уголь, и те готовы выжать из рабочих все соки вместе с костями и кожей.

Поэтому у него зародилось сильное подозрение: когда Чан Сяоху прибыл на угольную шахту, его никто и не думал сажать за счеты, парня сразу угнали в забой на тяжелые работы.

Вэньжэнь Юэ приказал временно оставить тело Чан Сяоху в местном похоронном амбаре, после чего вызвал в судейскую управу счетовода с той самой шахты. Судья лично привел его в архив, указал на пять укрытых саванами трупов и твердо произнес:

— Господин счетовод, раз уж Чан Сяоху числился у вас в учениках, ты обязан знать его в лицо. Будь добр, укажи мне, кто из них Чан Сяоху.

Увы, его оппонент оказался далеко не глуп.

Вэньжэнь Юэ писал в своем предсмертном послании: «Стоило нам переступить порог, как при виде первого же мертвеца счетовод свалился на пол без чувств, истошно крича, что до смерти напуган и больше ни на кого смотреть не станет».

Читая эти строки, Лэ Уя живо представил, какое беспомощное и растерянное выражение лица было в тот момент у Вэньжэнь Юэ, и невольно улыбнулся.

Вэньжэнь Юэ все-таки оставался излишне мягкотелым и добрым человеком.

Будь на его месте сам Лэ Уя, у него нашлась бы целая сотня изощренных способов заставить этого симулянта-счетовода мгновенно вскочить с пола, позабыв о всяком страхе.

К тому же, Вэньжэнь Юэ совершил роковую ошибку. Опасаясь, что тетушка Су из-за внезапной потери единственного сына окончательно подорвет здоровье, он отпустил несчастную женщину домой отлежаться, но не догадался приставить к ней своих людей для охраны.

Как и следовало ожидать, на следующий день, едва суд возобновил работу, поведение тетушки Су резко изменилось. Она забилась в самый угол зала и угрюмо помалкивала, не проронив ни звука.

Вэньжэнь Юэ вызвал на допрос надсмотрщика шахты, а заодно велел пригнать в управу еще нескольких рудокопов.

Все они как один, точно сговорившись, принялись твердить, что действительно видели Чан Сяоху. Дескать, этот хлипкий паренек время от времени заглядывал на рудник и по доброте душевной частенько вызывался помочь рабочим. А когда он услышал от них, что за спуск в забой платят куда больше денег, то из чистого любопытства сам пару раз спускался вместе с ними под землю.

Вэньжэнь Юэ чувствовал, что здесь кроется наглая ложь.

Чан Сяоху не отличался крепким здоровьем, и его стремление заработать побольше монет было вполне понятным. Но неужели он сам не отдавал себе отчета в том, что его слабое тело совершенно не приспособлено для каторжного физического труда?

Однако тетушка Су со слезами на глазах внезапно подтвердила эти слова. Она уверяла суд, что ее сын с малых лет действительно рос на редкость отзывчивым мальчиком, а в детстве порой упрямялся, и ей приходилось браться за палку ради дежурной порки. А то, что она отрицала это вчера, не более чем старческая беспамятность, просто перепутала.

Женщина сбивчиво и бестолково наговорила кучу всего, но суть ее слов сводилась к одному: она забирает свое заявление.

Раз уж истцы отзывали иск, а весомых улик в пользу версии об убийстве так и не нашлось, дело пришлось закрыть.

Этот оборванный на полуслове процесс оставил в душе мягкого Вэньжэнь Юэ невыносимо гнетущий осадок.

А уж упрямый до крайности Мин Сянчжао и вовсе закусил удила: он забросил книги и учебу, принявшись каждые несколько дней тайно бегать к угольной шахте и вынюхивать подробности.

Кто бы мог подумать, что спустя примерно три-четыре месяца на ученого Мина внезапно донесет местный мелкий выпивоха.

Этот проныра заявил, будто на днях заглянул в кабак и услышал, как изрядно захмелевший Мин Сянчжао бормотал мятежные речи, всячески понося самого императора.

Как назло, в это самое время Вэньжэнь Юэ уехал по приказу начальника округа на выездное совещание и в уезде отсутствовал.

Заместитель судьи Сунь Жу тут же взял бразды правления в свои руки и отправил стражников перевернуть дом Минов. И надо же было такому случиться: в ходе обыска у них действительно

откопали две запрещенные законом книги.

Теперь, когда на руках у следствия оказались и свидетели, и прямые улики, ученому Мину было уже не отмыться. Его без лишних церемоний бросили в сырые застенки.

Поначалу Мин Сянчжао наивно полагал, что благодаря ученому статусу сиуцая никто не посмеет применить к нему пытки и выбить фальшивое признание. Он истошно и громко кричал о своей невинности, уверяя, что знать не знал о нахождении этих книг в своем доме и его совершенно точно подставили.

Однако ушлый Сунь Жу быстро нашел на него управу. Он приказал арестовать престарелую мать ученого и запереть ее в соседней камере, дабы парень собственными глазами созерцал, как самый близкий человек страдает из-за его строптивости.

И пускай матушка Мин всю жизнь занималась тяжелым физическим трудом и отличалась крепким здоровьем, годы все же брали свое. От пережитого ужаса и невыносимой тяжести многопудовых деревянных колодок она всего за два дня ослабла так, что едва дышала.

Тут уж Мин Сянчжао по-настоящему испугался.

Его яростные проклятия сменились слезными мольбами о пощаде.

А затем он и вовсе перестал твердить о невинности: дрожащими руками парень подписал признательные показания, уповав лишь на то, чтобы его престарелая мать не сгинула в тюрьме из-за его грехов.

Ученый Мин от природы был человеком гордым и высокомерным, так что подобный сокрушительный удар окончательно сломал его волю. Он впал в глубокое уныние и мгновенно слег от тяжелого недуга.

Вернувшийся Вэньжэнь Юэ категорически отказался признавать этот фарс и до последнего настаивал на проведении повторного, дотошного расследования.

Однако заместитель судьи быстро осадил его пыл витиеватыми, якобы полными заботы наставлениями:

— Почтенный начальник просто еще не сталкивался с делами государственной важности и понятия не имеет, насколько все серьезно! Хранение запрещенной литературы и оскорбление величества — это верная смертная казнь, с чего бы парню добровольно наговаривать на себя? Я лишь ради вашей судейской репутации не стал подвергать его суровым истязаниям на дыбе. Если в этом смутьяне осталась хоть капля сыновнего долга, он обязан безропотно принять кару. И как бы ни было добро ваше сердце, господин судья, проявлять излишнюю мягкость к государственному изменнику вас явно не с руки.

Прямой начальник Вэньжэнь Юэ, дряхлый и впавший в маразм глава округа по фамилии Лю, оказался человеком на редкость бесхребетным и трусливым. Едва услышав, что дело пахнет государственным мятежом, он разразился длинной тирадой о том, что нынешнее племя ученых измелчало и погрязло в пороках, после чего без лишних разбирательств закрыл вопрос. Старик велел Вэньжэнь Юэ поскорее сшить материалы дела и передать их ему для отправки в столицу.

Вэньжэнь Юэ оказался зажат в тиски: сверху на него давил начальник округа, снизу вставлял палки в колеса собственный заместитель, а мелкие стражники и вовсе ни во что его не ставили. Оставшись один на один со змеиным логовом, он изнывал от отчаяния. Учитывая его скромный седьмой ранг, у него не было ни единого шанса донести правду до столицы в обход начальства. В порыве крайнего исступления парень решился на крайние меры, что в итоге и привело к появлению Лэ Уя.

Теперь, когда все карты были раскрыты, суть дела стала предельно ясна.

Ученый Мин умудрился насолить владельцам угольной шахты Сяофу из-за дела Чан Сяоху, за что те и окатили его с ног до головы ушатом грязной жижи.

Сам метод расправы оказался до смешного прост, но эффективен: подбросить в дом нужную книгу и дело в шляпе.

И именно из-за примитивности этого заговора опровергнуть его теперь было практически невозможно.

Вышестоящее начальство — трусливое воронье, коллеги плетут заговоры, коронер водит дружбу с убийцами, свидетели куплены с потрохами, а во всей судейской управе не нашлось бы ни одного человека, готового доверять словам Вэньжэнь Юэ.

Даже если бы Лэ Уя вздумал ворошить дела минувших дней и через расследование гибели Чан Сяоху попытался обелить имя ученого Мина, это бы им никак не помогло. Во-первых, ближний пожар чужой водой не потушишь: даже если смерть Чан Сяоху действительно окажется убийством, это никак не докажет, что Мин Сянчжао не замыслил мятеж против престола. Во-вторых, времени утекло слишком много, тело Чан Сяоху давно сгнило, и докопаться до истины теперь было невероятно сложно.

Ни времени, ни места, ни поддержки союзников — у несчастного ученого Мина не оставалось ни одного козыря в рукаве.

Любой сторонний человек, взглянув на это болото, уверенно заявил бы, что ученый Мин обречен на верную смерть.

Вот только на лице Лэ Уя не проступило и тени былой озабоченности.

Потому что на само это уголовное дело ему было глубоко плевать.

Лэ Уя без промедления открыл уездные хроники.

И действительно, тот самый «господин Чэнь», о котором упоминал Вэньжэнь Юэ, и оказался истинным владельцем угольной шахты Сяофу.

Богач Чэнь, он же Чэнь Юаньвэй, имел ученую степень цзюйжэня, но на государственную службу поступать не стал.

Семь лет назад он перебрался в уезд Наньтин.

Пять лет назад в уезде обнаружили небольшое месторождение угля. Как раз в то время жесткий контроль казны над добычей угля ослаб, и властями было дозволено передавать часть шахт в частное управление. Господин Чэнь задействовал все свои связи, щедро одарил нужных людей монетами и сумел прибрать к рукам право на разработку этого небольшого рудника.

Каждую зиму он безвозмездно раздавал на городском рынке угольную крошку беднякам. За пять лет он ни разу не нарушил этот обычай, отчего и заслужил среди местных жителей почетное прозвище «великого благодетеля Чэня».

Лэ Уя всегда терпеть не мог писать от руки, и его собственный почерк отличался редким уродством, зато читал он невероятно быстро и зрел в самую суть.

Довольно скоро он обратил внимание на одну запись в хрониках: семь лет назад, едва прибыв в уезд Наньтин, господин Чэнь купил здесь всего лишь десять му* земли и обустроил скромный купеческий склад.

ПП: 10 му — это примерно 66,7 сотки (или 6 666,7 квадратных метров).

И лишь после того, как рудник оказался в его руках, он принялся массово скупать окрестные земли, да и торговых лавок у него заметно прибавилось. При этом все его новые предприятия так или иначе были завязаны исключительно на обслуживании угольной шахты.

Это означало, что в прежние времена господин Чэнь вовсе не обладал внушительным состоянием. Именно шахта Сяофу являлась его главным источником дохода и той самой нерушимой опорой, благодаря которой все его семейство могло безбоязненно ходить в Наньтине императором.

Рудник приносил колоссальную прибыль, и его значимость для клана Чэнь была очевидна без лишних слов.

Дойдя до этого места, Лэ Уя пролистал налоговые отчеты за прошлый год и обнаружил, что после отправки в столицу зерна, шелка и серебра, в казне самого уезда практически ничего не оставалось.

Он закрыл книгу и задумчиво уставился в окно, за которым уже брезжил бледный рассвет.

«А этот рудник, похоже, весьма недурен...» — пронеслось в его голове.

«Не придумать ли способ прибрать его к рукам и конфисковать в пользу казны?»

Пока в Лэ Уя вовсю просыпалась его прежняя коварная и хищная чиновничья натура, он и понятия не имел, что в этот самый миг где-то очень далеко весь мир из-за него уже перевернулся с ног на голову.

На самом рассвете один дровосек пробирался с вязанкой хвороста мимо постоянного двора в уезде Нинъюань округа Ичжоу.

Заметив, что подступы к охраняемому зданию стерегут чересчур бдительно, он не стал приближаться и лишь покрутился неподалеку. Отойдя на сотню шагов от ворот, он тайком поджег и бросил три хлопушки.

Стражники у ворот не обратили на это внимания, посчитав, что это обычные шалости местных мальчишек.

И это несмотря на то, что звук от этих взрывов оказался куда более тонким и свистящим, чем у простых новогодних хлопушек.

Спустя короткое время из дверей постоянного двора в одиночестве вышел молодой мужчина. Он был облачен в свободное одеяние для занятий тайцзи, а его лоб перехватывала черная шелковая повязка. На его щеках выступили легкие капли пота, а за поясом покоился деревянный тренировочный меч, судя по всему, он только что закончил утреннюю разминку.

Едва он переступил порог, как дежурные стражники тут же пали ниц:

— Шестой господин.

Шестой принц, Сян Чжицзе, едва заметно кивнул и неторопливым шагом направился прочь от ворот.

Между простыми солдатами и сыном императора лежала непреодолимая пропасть, поэтому стражники не осмелились расспрашивать его о цели прогулки и лишь покорно следовали за ним на почтительном расстоянии.

Шестой принц уверенно шел на звук взлетевших хлопушек и вскоре действительно обнаружил прислонившегося к дереву дровосека, который делал вид, будто просто присел перевести дух.

Сопровождающие гвардейцы решили, будто принцу ради забавы захотелось расспросить здешнего крестьянина о ценах на дрова и рис в этих краях, а потому послушно замерли поодаль, не решаясь мешать беседе.

Убедившись, что вокруг нет лишних ушей, дровосек принялся делать вид, будто перебирает хворост, и тихо произнес:

— Господин, молодой генерал Пэй знает, что вы находитесь поблизости, и велел мне передать вам весть из столицы.

Сян Чжицзе за прошедшие четыре года заметно вытянулся и повзрослел, однако в его облике по-прежнему читались прежняя немногословность, абсолютное спокойствие и мягкое величие человека, способного оставаться невозмутимым перед лицом любой бури:

— Говори.

Вестовой опустил голос до едва различимого шепота:

— Докладываю Шестому принцу... «плавильная печь дала трещину»*.

Шестой принц на мгновение оцепенел.

Но стоило ему осознать истинный, скрытый смысл этих коротких слов, как он резко сделал шаг вперед и выдохнул:

— Как такое возможно?!

ПП: Условный тайный шифр, который использовал Пэй Минци. На чиновничьем жаргоне «печью» или «плавильным котлом» часто именовали тюрьму Хуанюй, где содержался Лэ Уя. Данная фраза означала, что тщательно проработанный план по тайному спасению Лэ Уя из застенков полностью провалился из-за его внезапной, непредвиденной кончины.

Вестовой лишь низко опустил голову и промолчал.

Шестой принц обладал безупречным воспитанием. И пускай в его груди все клокотало от боли, он заставил себя поднять руку и ободряюще похлопать парня по плечу:

— ...Я понял. Спасибо за службу.

Дровосек подхватил свою ношу и мелкими шагами удалился.

Шестой принц закрыл глаза, погрузившись в свои мысли.

Он стоял так до тех пор, пока за его спиной не раздался знакомый голос:

— Шестой брат, на дворе такая стужа, а ты вышел в одном тренировочном одеянии. Неужто не мерзнешь?

Дрогнувшие ресницы Шестого принца медленно замерли.

Спустя долгую паузу он обернулся, вновь являя миру образ мягкого, приветливого и благородного мужа:

— Седьмой брат.

Седьмой принц, Сян Чжиши, с головы до ног укутался в дорогие меха. На нем была шапка из чернобурки, плотный воротник из того же темного меха, а в руках он бережно держал муфту, отороченную серебристой лисой. Всем своим видом он сейчас напоминал пушистого, панически боящегося холода лисенка.

Он любопытствовал:

— Ну и по чем нынче вязанка дров в здешних краях?

Шестой принц, даже не моргнув, спокойно ответил:

— Двадцать монет.

Седьмой принц весело рассмеялся:

— Должно быть, этот мужик за приметил дорогую ткань на твоём халате, решил, что ты понятия не имеешь о настоящих ценах, вот и загнул втридорога. В соседнем уезде за точно такую же вязанку просят всего пять монет.

— Если бы он встретил тебя и разглядел твой наряд, то затребовал бы целый лян серебра, — парировал Шестой принц.

Седьмой принц заливисто захохотал.

И пускай он всегда питал тайную неприязнь к своему родному Шестому брату, но, если припомнить, прежний Сян Чжицзе казался ему куда более забавным. В детстве тот сильно заикался, однако ради того, чтобы угодить их общему учителю, из кожи вон лез и без умолку болтал, подарив Седьмому принцу немало поводов для скрытых насмешек.

Теперь же брат либо цедил слова на вес золота, либо выдавал совершенно несмешные шутки. Скука смертная, да и только.

К тому же Седьмой принц успел мельком разглядеть спину уходившего крестьянина.

Этот парень являлся сыном кормилицы Шестого принца и поначалу служил в его личной резиденции, а после, поговаривали, подался на приграничную службу ради военных заслуг.

Надо же, объявился здесь, да еще и втайне прислуживает брату.

Седьмой принц смутно припоминал, что неподалеку как раз стояли лагерем войска...

Впрочем, некоторые вещи вовсе не обязательно вытаскивать на свет, достаточно просто держать их в уме.

Седьмой принц продолжил усердно разыгрывать роль примерного, послушного младшего брата:

— До меня дошли слухи, будто в уезде Наньтин округа Ичжоу совсем недавно разгорелось дело о мятеже среди местных ученых мужей, и сейчас там всю идет следствие. Отбор и воспитание книжников — это коренная опора всего нашего государства, отец непременно захочет узнать все подробности. Брат, не желаешь ли ты отправиться туда вместе со мной и лично взглянуть на этот процесс?

Шестой принц изо всех сил старался обуздать бушевавший в груди ураган мыслей:

— Нам действительно стоит туда поехать.

Отвечая брату, Сян Чжицзе безуданно прокручивал в голове лишь одну страшную фразу: «Печь учителя дала трещину».

Похоже, этот человек и впрямь не сумел удержаться в мире живых.

<http://bllate.org/book/18193/1749703>